12+

Ты не Ассоль. Том 1.

Сергей Самборский

Сергей Самборский

Ты не Ассоль. Том 1

«Издательские решения»

Самборский С.

Ты не Ассоль. Том 1 / С. Самборский — «Издательские решения»,

Светлана — умная студентка и талантливый аналитик. Евгений — моряк и руководитель Марины. В работе они общаются официально, не зная, кто скрывается за сухими письмами; на берегу встречаются как Света и Женя — и с каждым разом становятся ближе. Море, семейные тайны, непростые решения и чувства, которым предстоит выдержать проверку, ведут их навстречу правде.

© Самборский С.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1 6
Глава 2 11
Глава 3 15
Глава 4 20
Глава 5 24
Глава 6 28
Конец ознакомительного фрагмента. 30

Ты не Ассоль. Том 1

Сергей Самборский

© Сергей Самборский, 2026

ISBN 978-5-0071-5450-5 (т. 1)
ISBN 978-5-0071-5451-2
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1

Апрельский ветер в Новороссийске всегда особый. Он приходит со стороны Цемесской бухты — прохладный, с резким запахом соли, сырого ракушечника и сизого корабельного дыма, смешанного с мягким ароматом распускающихся на проспекте Ленина каштанов. Светлана стояла на широком гранитном крыльце первого корпуса Ушаковки, перехватив под мышкой тяжёлую папку с конспектами по финансовому анализу. Занятия у четвёртого курса экономического факультета закончились полчаса назад. Мимо неё вниз по ступеням шумными стайками сбегали студенты. Внизу, у въездных ворот, подтягивали ремни и со смехом о чём-то спорили курсанты-судоводители в чёрных фланелевых куртках с белыми воротничками. Город жил своей привычной весенней суетой: где-то у причалов порта гудел доковый кран, над тёмной водой бухты кружили белые чайки, а морозный зимний норд-ост окончательно уступил место южному, мягкому солнцу.

— Света! Ну ты опять тут зависла! — окликнул её громкий, торопливый голос.

Из дверного проёма выскочила Кристина — её однокурсница, с которой они вместе сидели на лекциях ещё с первого курса. На ходу она поправляла короткую кожаную куртку и пыталась одной рукой застегнуть сумочку.

— Я тебя по всему холлу ищу, думала, ты уже на остановку умотала, — запыхавшись, произнесла она, останавливаясь рядом на ступеньке. — Ты до вечера свободна?

— Свободна, — Светлана переложила папку в другую руку и оправила шарф. — Курсовую проанализировала, параграфы закрыла. А что?

Кристина тут же подошла ближе, оглянулась на проходящих мимо девчонок с параллели и понизила голос до таинственного шёпота:

— Короче. Помнишь, я тебе про Дениса рассказывала? Вчера встречала его у нас на районе. В общем, мы тут с Пашкой подумали… У Дениса сегодня свободный вечер. Нам надо сходить в то новое кафе у Маяка. Посидим, кофе попьём, пообщаемся.

Светлана чуть приподняла бровь, глядя на подругу с лёгкой улыбкой:

— Кристин, ты опять за своё? За сваху решила поработать?

— Да почему сразу за сваху-то?! — всплеснула руками Кристина, умоляюще глядя на неё. — Свет, ну ты сама подумай. Парень нормальный, ему двадцать четыре года. В бизнесе у отца работает, не дурак, не алкаш какой-нибудь. На нормальной машине, сам одевается прилично. Тебе что, трудно просто чашку кофе выпить в хорошей компании? Ты всю зиму над своими отчётами и графиками просидела. Из дома в универ, из универа домой. Так же нельзя!

Светлана молчала, разглядывая далёкие контуры грузовых судов, стоявших на внешнем рейде Цемесской бухты. Отказываться сразу, наотрез, казалось глупым. Кристина желала ей добра — по-своему, как умела, искренне не понимая, почему Света в свои двадцать один год до сих пор ходит одна и вежливо отклоняет любые попытки подруг «свести с хорошим человеком». Для неё мир был прост и понятен: есть свободный вечер, есть симпатичный парень с деньгами и машиной — значит, надо знакомиться и наводить мосты. Света вовсе не была букой или монашкой. Она любила Новороссийск, любила весну, любила водить машину и ходить вдоль моря по вечерней набережной. У неё не было затаённой злобы на мужчин или обиды на весь свет. Просто внутри сидело точное, жёсткое чувство: тратить себя на фальшь или суррогат ради того, чтобы не быть одной, она не хотела.

— Свет, ну пожалуйста, — Кристина тронула её за рукав, заглядывая в глаза. — Ну сделай одолжение. Посидим часок, погода шепчет. Не понравится — встанешь и уйдёшь. Тебя же никто там замуж выходить не заставляет. Просто пообщаемся.

Светлана выдохнула, чувствуя, как свежий морской ветер взъерошил выбившиеся из-под заколки волосы, и улыбнулась:

— Ладно. Давай посидим. Во сколько?

— В семь у Маяка! — просияла Кристина, победно сжав кулачок. — Всё, я Пашке звоню, заказываем столик! Не опоздай только!

Она чмокнула Светлану в щёку и поспешила вниз по гранитным ступеням к остановке. Светлана осталась на крыльце одна, глядя, как солнечные блики играют на синей глади моря. Почесав кончик носа, она подхватила папку и медленно пошла вниз, к проспекту. Сходить на чашку кофе — дело нехитрое. В конце концов, апрель на дворе, и сидеть дома в такой вечер действительно не хотелось. Кафе «Бриз» располагалось почти у самого основания западного мола, прямо над полосой крупной гальки, куда лениво накатывали серо-зелёные апрельские волны. Панорамные окна заведения выходили на Цемесскую бухту, подсвеченную закатным багрянцем и огнями стоящих на рейде сухогрузов. Светлана пришла вовремя, ровно к семи. Кристина с Пашей уже сидели за угловым столиком у окна, оживлённо переговариваясь над раскрытым меню. Рядом с Пашкой восседал Денис — тот самый кандидат в кавалеры, щеголявший новенькими часами на запястье и едва уловимым дорогим парфюмом, перебивавшим запах кофе.

— О, а вот и наша отличница! — радостно замахала рукой Кристина, заметив Светлану у входа. — Света, мы уже думали, ты на консультации застряла!

Денис поднялся навстречу с ленивой, уверенной усмешкой человека, который привык производить впечатление с первой секунды. Он был высок, аккуратно подстрижен, в дорогом джемпере поверх застёгнутой на все пуговицы рубашки.

— Денис, — протянув руку, представился он, чуть наклонив голову. — Рад знакомству. Кристина мне все уши про тебя прожужжала, говорит, экономист с железной хваткой.

— Светлана, — коротко ответила она, присаживаясь на свободный стул рядом с подругой.

Поначалу вечер тёк вполне мирно. Заказали кофе, десерты, Паша травил какие-то байки про учёбу на судоводительском, Кристина поддакивала, а Денис галантно подливал коктейль в стаканы. Но стоило разговору чуть сместиться в сторону от студенческих тем, как истинное лицо новоиспечённого кавалера начало стремительно проступать сквозь внешне безупречный фасад.

— Не понимаю, честно говоря, зачем люди вообще в этих университетах штаны просиживают по пять лет, — небрежно бросил Денис, помешивая серебряной ложечкой остывающий американо. Он качнулся на стуле, демонстрируя манжеты рубашки. — Корочки эти сейчас — макулатура чистой воды. Мой батя меня сразу после школы к себе в строительный холдинг затащил. Сначала на склад мастером бросил, потом в снабжение. Через год я уже все потоки и откаты знал не по учебникам. Сейчас у меня три бригады под началом, объекты в Анапе и Геленджике. Живи головой, крутись, делай деньги из воздуха, вот и вся экономика. А вы тут формулы учите.

Паша за столом слегка замялся, переглянувшись с Кристиной, а та поспешила сгладить угол:

— Ну, Денис, у всех свой путь. Света у нас на повышенную стипендию идёт, ей диплом нужен для солидности.

— Для солидности? — Денис снисходительно хмыкнул, глядя на Светлану оценивающим взглядом, в котором не было ни грамма искреннего интереса. — Бросьте. Женщине зачем эти сложности? Умные девчонки сейчас сразу понимают, где перспектива. Вон, у моего партнёра племянница бросила свой эконом на втором курсе, удачно замуж вышла за москвича — и теперь в Эмиратах зимует, в ус не дует. Главное — оказаться в нужном месте с правильными людьми. А диплом… бумажку всегда купить можно, были бы ресурсы.

Светлана сидела, откинувшись на спинку стула, и молча смотрела на него. Перед ней сидел не человек. Перед ней сидел ходячий ценник, гордившийся тем, что научился перепро-

давать чужой труд и обходить законы быстрее остальных. В его глазах, в его интонациях, в этом самодовольном лоске не было ровно ничего живого. Ни одной искренней мысли, ни единого сомнения, ни капли настоящего человеческого тепла — только прагматичный расчёт, понты и абсолютная пустота. Кристина уловила тяжёлое молчание за столом, испуганно дёрнула Светлану за рукав под скатертью и попыталась перевести тему:

— Ой, а давайте десерт закажем? Тут говорят, тирамису фирменный…

— Не нужно, Кристин, — тихо, но отчётливо произнесла Светлана, поднимаясь со стула.

За столом мгновенно воцарилась неловкая тишина. Денис замер с ложечкой в руке, Паша уставился в свою тарелку, а Кристина округлила глаза.

— Ты куда, Света? — растерянно моргнула подруга.

— Домой, — Светлана аккуратно положила на край стола бумажную купюру за свой кофе, выпрямилась и посмотрела на Дениса. — Извините, ребята. Посидели действительно интересно, но на этом, пожалуй, всё. Денис, желаю удачи вашему холдингу.

Не дожидаясь ответа, она развернулась и пошла к выходу. В спину ей донеслись возмущённый шёпот Кристины:

— Денис, подожди, она просто устала…

И ленивый, обиженный смешок самого кавалера:

— Да брось, Крис, у девочки просто корона до небес выросла, пускай идёт.

Светлана толкнула тяжёлую стеклянную дверь кафе и шагнула на прохладный вечерний морской воздух. Апрель ударил в лицо — чистый, пахнущий морем, водорослями и весной. Никакого сожаления внутри не было. Было только чистое облегчение, будто она наконец сбросила с плеч тяжёлый, пыльный груз, который тащила целый день. Обычный вечер в Новороссийске продолжался, и она точно знала, что поступила правильно. Светлана шла пешком по вечерней набережной, не торопясь и глубоко вдыхая прохладный морской воздух. Фонари вдоль мола загорались один за другим, бросая длинные золотистые дорожки на тёмную, едва покачивающуюся воду. На внешнем рейде Цемесской бухты гигантскими светящимися гирляндами застыли сухогрузы и танкеры, ожидавшие захода в порт. Город затихал, уступая место мерному, успокаивающему шуму прибоя, шуршавшего галькой у самого парапета. Её квартира располагалась на третьем этаже старого «сталинского» дома с высокими потолками, всего в десяти минутах ходьбы от моря. Поднявшись по широкой каменной лестнице, Светлана открыла замок, зашла в прихожую и первым делом сбросила туфли, чувствуя, как ноги наконец находят покой. В квартире пахло сухой лавандой, чистым постельным бельём и свежей заваркой. Она не стала включать яркий верхний свет — зажгла лишь небольшую настольную лампу с мягким янтарным абажуром в углу комнаты. Пройдя к письменному столу, где стопками лежали конспекты по финансовому анализу и международному праву, Светлана налила себе стакан прохладной минералки и опустилась в глубокое кресло. Прямо по центру полированной дубовой столешницы, между тяжёлым бронзовым подсвечником и органайзером с ручками, стоял небольшой сувенир. Это был изящный, выточенный из тёмного цельного дерева макет двухмачтового брига. Его крошечные, аккуратно натянутые шнурки-ванты держали на рее тончайшие шёлковые паруса ярко-алого, почти кумачового цвета. Настоящий алый парусник — сувенир, который она три года назад купила на маленькой лодочной станции в Геленджике, просто потому что он показался ей удивительно живым, сделанным с душой, а не на конвейере фабричного сувенирного ширпотреба. Светлана протянула руку и кончиком пальца осторожно погладила гладкий, лакированный борт деревянной модели. В этот момент в прихожей коротко и настойчиво звякнул дверной звонок. Светлана даже не вздрогнула — она прекрасно знала, кто это. Поставив стакан на стол, она поднялась, прошла в коридор и повернула защёлку. На пороге стояла Кристина. Подруга раскраснелась от быстрой ходьбы, куртка её была расстёгнута, а в глазах плескалась смесь искренней обиды и возмущения.

— Ты с ума сошла, Светка?! — с порога заговорила Кристина, даже не пытаясь разуться и наступая на коврик. — Ты что вообще в кафе устроила? Встала, деньги бросила и ушла! Денис в шоке сидит, Пашка перед ним краснеет! Ну чем он тебе не понравился-то?! Парень при деньгах, при связях, на нормальной машине, сам тебя до дома довезти хотел! Что тебе опять не так?!

Светлана тихо вздохнула, прислонившись плечом к дверному косяку, и спокойным, ровным взглядом посмотрела на подругу:

— Кристин, заходи. Не ори на весь подъезд, соседей перепугаешь.

— Да не пойду я к тебе! — махала руками Кристина, но всё же зашла, прихлопнув за собой дверь и сбрасывая ботильоны. — Ты мне объяснить можешь человеческим языком? Что ты из себя недотрогу корчишь? Тебе двадцать один год! Все нормальные девчонки уже давно парней нашли, кто-то замуж выходит, кто-то жить вместе начинает. А ты всё в своих книжках сидишь!

Кристина прошла за ней в комнату, замерла у письменного стола, нервно крутя на пальце кольцо, и вдруг её взгляд упал на деревянный бриг с красными парусами. Она схватила сувенир со стола, повернулась к Светлане и показала на него пальцем:

— Вот! Вот оно! Ты опять за своё?! Ты своего «Грэя» до пенсии ждать будешь?! Насмотрелась сказок в детстве и ждёшь, когда к тебе принц на паруснике приплывёт?! Да нет сейчас никаких Грэев, Светка! Проснись! Есть нормальные мужики с бабками, с работой, которые могут нормальную жизнь обеспечить! А ты всё в облаках витаешь!

Светлана молча подошла к ней. Спокойно, без единого резкого движения забрала из рук Кристины деревянный кораблик и аккуратно поставила его обратно на полированный стол, выровняв по краю книги. Повернулась к подруге, встретив её горячий взгляд.

— Не знаю, до пенсии или нет, Кристин, — тихо, но с той непробиваемой внутренней силой, которая не требовала громких слов, произнесла Светлана. — Но точно не так.

— Да как не так-то?! — всплеснула руками подруга.

— А вот так, — Светлана посмотрела на алые шёлковые паруса сувенира. — Денис твой — пустой. В нём нет ни капли настоящего. Он гордится тем, что научился воровать и перепродавать, и считает, что за эти деньги можно купить всё — и диплом, и отношение, и человека. Мне не нужен его статус, не нужна его машина и его Эмираты. Если рядом с мужчиной не о чем говорить, кроме денег и откатов — мне с ним не по пути.

— И что ты предлагаешь?! Ждать чуда?! — Кристина раздражённо фыркнула. — Всю жизнь одной просидеть?

— Я ничего не предлагаю, Кристин, — Светлана посмотрела подруге прямо в глаза. — Я просто не хочу врать сама себе. Если я встречу человека, который способен на Поступок — настоящего, честного, с которым можно молчать и понимать друг друга без слов, я пойду за ним на край света. А если не встречу… значит, буду одна. Но на суррогат я не соглашусь. Никогда.

Кристина несколько секунд молча смотрела на неё, поражённая этой спокойной, несгибаемой уверенностью, а потом обречённо вздохнула, качая головой:

— Ненормальная ты, Светка… Ты ведь не Ассоль. И сказки в жизни не работают. Жаль мне тебя.

— Не надо меня жалеть, Крис, — мягко улыбнулась Светлана, подталкивая её к выходу. — У меня всё хорошо. Иди к Паше, он ждёт.

Когда за Кристиной закрылась входная дверь, в квартире снова воцарилась тишина. Светлана вернулась в комнату, подошла к окну и распахнула створку. В комнату ворвался свежий морской ветер, зашелестел страницами открытой книги на столе и заставил чуть дрогнуть алые шёлковые паруса маленького корабля. Светлана смотрела на огни Цемесской бухты, чувствуя, как внутри устанавливается глубокий, ровный покой. Она не знала, что принесёт ей завтраш-

ний день, но точно знала одно: свой главный выбор она сделала, и сходить с этого курса не собиралась.

Глава 2

Апрель в Стрелецкой бухте Севастополя всегда пахнет одинаково: солёным весенним ветром, подсыхающей на солнце морской тиной, едким запахом свежей эпоксидной грунтовки и разогретой соляркой. Суета на территории частного яхт-клуба «Норд-Марина» начиналась с первыми лучами солнца. До мая — официального старта навигации — оставались две недели, и вся береговая линия марины напоминала гудящий улей. На стапелях у открытых ворот большого эллинга висели на стропах подъёмника катера и парусники. Гремели компрессоры, шуршали шлифовальные машинки, рабочие в заляпанных краской комбинезонах сбивали старую необрастайку с днищ, а в доке у причалов звенели стальные тросы и перекликались матросы. Евгений стоял на краю бетонного пирса у второго понтона, засунув руки в карманы тёмно-синей непромокаемой ветровки. В свои тридцать лет он выглядел человеком, который точно знает цену всему, что находится на этом берегу. Высокий, подтянутый, с открытым, чуть выветренным морем лицом и выгоревшими на солнце русыми волосами, Евгений совсем не походил на кабинетного директора в костюме и галстуке. На нём были удобные потёртые джинсы, старые, въевшие морскую соль палубные туфли-топсайдеры и простая трикотажная шапка, сдвинутая на затылок. Этот яхт-клуб он поднимал своими руками последние шесть лет. Начинал с пары полуразвалившихся деревянных мостков и старого плавучего крана, а теперь под его руководством работала одна из лучших частных марин города: три плавучих понтона с подведённым электричеством и водой, собственный слип для спуска судов, мастерские, эллинг и два десятка постоянных клиентов, державших у него свои лодки от сезона к сезону.

— Жень, — окликнул его от кормы десятиметровой «Баварии» седой, смуглый механик Семеныч, вытирая замасленной ветошью широкие ладони. — На третьем катере на левом дизеле помпу охладителя поменяли. Импеллер свежий поставили, прогнали на холостых — держит норму. Можно на воду сбрасывать.

— Отлично, Семеныч, — Евгений повернулся к механику и чуть улыбнулся. — Заполняй карту техосмотра и отдавай заказ-наряд в диспетчерскую. Владелец к двум часам обещал подъехать, пусть сам приёмку подпишет.

— Сделаем.

Семеныч закинул ветошь на леера, подошёл к краю борта, прищурившись от яркого весеннего солнца, посмотрел в сторону выхода из бухты:

— Твои-то где сейчас? С границы не связывались?

Евгений достал из внутреннего кармана куртки портативную радиостанцию, глянул на дисплей и качнул головой:

— Час назад на траверзе мыса Лукулл проходили. Пограничники контроль отработали, дали добро на вход в территориальные воды. Если на подходе к Херсонесу на встречный ветровой вал не уткнутся — к трём часам у нашего мола будут.

— Ну, дай-то бог, — Семеныч выпустил сизый дым в морозный воздух и уважительно качнул головой. — Сутки от Стамбула через открытую воду в апреле… Хорошая проверка для новой яхты. Настоящая.

Евгений ничего не ответил, лишь мельком глянул на главный, нулевой причал у самого торца центрального понтона. Это место пустовало весь март и половину апреля. За последние три недели к Евгению не раз подходили состоятельные владельцы прибывающих в город катеров, предлагая за этот кнехт любые деньги — только бы встать на самое удобное, закрытое от ветров место у центральной аллеи. Но Евгений отказывал всем. Коротко, спокойно, без лишних объяснений. Вся марина знала: нулевое место забронировано. Забронировано под судно, которое строили на верфи под Стамбулом почти два года по персональному заказу самого молодого владельца. Евгений прошёл по деревянному настилу понтона до самого края, остано-

вившись у свежих, смолистых швартовых вьюшек. Весенний ветер с моря надувал полы куртки, прохладные брызги долетали до лица, но внутри у него билось то особое, знакомое каждому настоящему моряку ощущение тугой, натянутой струны. Он не хотел покупать серийную пластиковую яхту с глянцевой мебелью и белыми бортами, какими забиты все каталоги Европы. Вместе с корабельными инженерами он шаг за шагом прочертил корпус собственного экспедиционного моторсейлера — тяжёлого, пятьдесят два фута длиной, с мощным пятимиллиметровым бокажом из морского алюминия, с хищным обводом носа, способным разрезать трёхметровую волну, и с тяжёлым свинцовым бульбом под килем. Его «Аквилон» был создан для открытого моря. Для автономных походов, для штормовых переходов, когда под килем сотни метров бездонной синевы, а за рулём остаются только двое — капитан и судно. Евгений поправил рацию на поясе, глянул на часы и повернулся к выходу из бухты. Время шло. «Аквилон» подходил к Севастополю. Радиостанция на поясе Евгения негромко зашипела, пробиваясь сквозь монотонный гул работающего неподалёку дизельного компрессора.

— База «Норд-Марина», я «Аквилон». На связи, — сквозь лёгкий треск статики прорвался спокойный, немного уставший голос Андрея, старпома Евгения, ушедшего в Тузлу за лодкой.

Евгений быстро снял рацию с крепления, поднёс к лицу и нажал тангенту:

— «Аквилон», я «База». Слышу тебя на четвёрку. Докладывай координаты и обстановку.

— Прошли маяк на Херсонесе, держим курс на входные створы бухты. Скорость девять узлов, идём под дизелем, паруса зарифлены. Материальная часть без замечаний, мотор шепчет, в трюмах сухо. Живы-здоровы, только за суточный переход просолились до трусов. Запрашиваем добро на швартовку к первому понтону.

— Добро подтверждаю, Андрей. Вход в бухту чистый, на рейде свободно. Место на торце подготовлено, кранцы и швартовые на пирсе. Ждём. Конец связи.

Евгений закрепил рацию обратно на ремень и непроизвольно перевёл дыхание. Главное напряжение последних суток, когда лодка шла через открытое, непредсказуемое апрельское море, наконец отпустило. Корпус выдержал, дизель отработал без сбоев, команда справилась. Тем временем на причале разговор по рации не остался незамеченным. У эллинга, где на стапелях стояла старая моторная шхуна, двое ремонтников прекратили возиться с гребным винтом и прислушались. Один из них, молодой парень в синей бейсболке, повернулся к пожилому сварщику:

— Михалыч, слыхал? Шеф яхту свою в бухту заводит. Сейчас придёт.

Михалыч, откинув на затылок защитную маску, потянулся за электродом, сплюнул в воду и уважительно покачал головой:

— Придёт, а как же. Он два года из-за этой посудины спать нормально не мог. Сам в Турцию на верфь летал чуть не каждый месяц, каждую переборку, каждый шов на алюминии лично проверял. Это тебе не серийная пластмасса, которую на конвейере льют. Там один корпус из спецсплава чего стоит — хоть в лёд его вмораживай, хоть на камни выбрасывай.

— А паруса зачем? — удивился молодой. — Мотор же есть мощный. Вон, говорят, Ямар на сто сорок кобыл воткнули.

— Молодой ты ещё, Колька, — беззлобно усмехнулся сварщик, затягиваясь. — Мотор — это чтоб из порта выйти да против ветра пробиться, если прижмёт. А парус — это душа. Шеф эту лодку для себя делал, для дальних походов, а не девок по бухте за деньги катать. Он на ней в кругосветку уйти может и не заметить. Потому никого чужого на борт и не пустит, даже за тройной чартерный прайс. Своя она у него. Личная.

Евгений шёл по бетонной набережной в сторону диспетчерской вышки, краем уха ловя эти разговоры работяг. Он не стал их одёргивать. На причале все прекрасно понимали разницу между коммерческим флотом марины и «Аквилоном». У гостевого причала, где швартовались

транзитные катера, возился с леерами капитан арендованной парусной яхты, молодой парень по имени Костя. Заметив Евгения, он приподнял руку в приветствии:

— Евгений Петрович! Слышал, «Аквилон» на подходе? Поздравляю. Мы тут с ребятами поспорили — кевларовые паруса-то серые, грозовые, которые вы заказывали, на этот сезон ставить будете или пока на дакроне походите ходовые испытания делать?

— Серые, Костя, — ответил Евгений, приостановившись. — Дакрон для этой лодки слабоват, там нагрузка на мачту другая. Ламинат уже на гике уложен, Андрей проверил в море — тянет отлично.

— Ну, тогда ждём шоу на воде, — улыбнулся капитан. — Такой гардероб в Севастополе точно один будет.

Евгений кивнул и поднялся по металлической лестнице на смотровую площадку диспетчерской. Отсюда вся Стрелецкая бухта была видна как на ладони: синяя, покрытая мелкой весенней рябью вода, белые корпуса пришвартованных яхт, жёлтые стрелы порта на горизонте и далёкая пенная полоса открытого моря за входными молами. Он взял тяжёлый морской бинокль в обрезиненном корпусе, поднёс к глазам и настроил резкость, вглядываясь в серую полоску горизонта у мыса Херсонес. Там, среди пронзительно синей апрельской воды, уже отчётливо проступала острая тёмная точка, стремительно приближающаяся к воротам бухты. На смотровой площадке диспетчерской вышки «Норд-Марины» ветер ощущался резче. Он приносил со стороны открытого рейда холодную влагу и ровный, нескончаемый гул прибоя, разбивающегося о внешние волноломы. Евгений опустил бинокль. Оптика больше не требовалась. В узкой горловине между молами Стрелецкой бухты показался тёмный, низкий силуэт, уверенно режущий носом весеннюю рябь. Ни белизны серийного стеклопластика, ни хромированного блеска декоративных решёток — судно шло на приглушённом ровном ходу, и его тёмно-графитовый, матовый борт почти сливался со свинцовым оттенком глубокой воды. На причалах марины движение затихло само собой. Сварщик Михалыч так и застыл с электродом у эллинга. Двое мотористов, тащивших бухту тяжёлого швартового конца к заправочной колонке, остановились, опустив брезентовый канат на доски настила. Даже из распахнутых ворот мастерской выглянули слесари, вытирая испачканные смазкой руки о ветошь. Севастополь видел сотни разных лодок — от старых советских швертботов до трёхпалубных чартерных гигантов, приписанных к оффшорам, но то, что входило сейчас в бухту, заставляло приглядеться любого, кто хоть раз в жизни держал в руках румпель или гаечный ключ. «Аквилон» шёл строго по створам. Его корпус из морского алюминия с обратным скосом форштевня выглядел хищным, монолитным, словно вырезанным из цельного куска броневой стали. Никакой лишней округлости — только жёсткие, рубленые скулы, рассчитанные на то, чтобы на полном ходу вспарывать встречную волну, не зарываясь носом. Выше ватерлинии матовый графит борта был покрыт тонкими белёсыми разводами высохшей соли — следами ночного перехода через середину Чёрного моря. На палубе, покрытой полосами тёплого, неокрашенного бирманского тика, царил идеальный порядок. Мачта — высокая, угольно-чёрная, из матового углепластика — уходила в бледное весеннее небо на добрых двадцать метров, поддерживаемая туго натянутыми тросами из нержавеющей стали. Грот был уложен в продольный чехол вдоль тяжёлого гика, но у основания мачты молния лези-бэга оставалась чуть расстёгнутой, и оттуда выглядывал край плотного, технологичного полотна. Это не был привычный дешёвый белый дакрон — парус отливал глубоким, штормовым серо-стальным цветом, прошитым сеткой чёрных карбоновых нитей, готовых принять на себя любое давление шквала. На носу, у самого якорного клюза, стоял в жёлтом штормовом комбинезоне матрос Сашка, придерживая рукой уже отданный с крепления швартовый конец. За штурвалом в полуоткрытом кокпите виднелась фигура старпома Андрея. Лицо его под капюшоном куртки казалось чёрным от загара и соли, плечи опустились от усталости бессонной ночной вахты, но руки лежали на штурвале спокойно, выверенно отмеряя каждый градус циркуляции. Тяжёлый четырёхцилиндровый дизель под палубой

работал почти неслышно — лишь глухой, низкий, утробный рокот отдавал лёгкой вибрацией по воде, выдавая солидный запас мощности чугунного блока. Евгений спустился с вышки не торопясь. Шаги его по деревянному настилу центрального понтона были размеренными. Он дошёл до самого края, до пустовавшего «нулевого» места, где из бетона торчали два мощных литых кнехта с закреплёнными на них толстыми резиновыми демпферами. Яхта подошла к причалу плавно, почти без инерции. Андрей ювелирно переложил перо руля, дал короткий толчок реверсом на винт, погасив ход, и пятидесятидвухфутовая алюминиевая махина весом в добрых двадцать тонн мягко замерла в полуметре от причального бруса, даже не коснувшись кранцев. Сашка с носа легко, по-молодецки перебросил плетёный швартовый огон на берег:

— Принимай, Петрович! Доставили в лучшем виде!

Евгений перехватил тяжёлый, пахнущий свежей пенькой канат, накинул восьмёрку на стальной кнехт и затянул узел одним уверенным, вбитым до автоматизма движением. Следом с кормы Андрей подал кормовой конец. Дизель под палубой ещё секунду глухо поворчал на холостых оборотах и затих. Слышно стало только, как вода мерно шлёпает под скулу остывающего корпуса да посвистывает в снастях свежий ветер с открытого рейда. Андрей выбрался из кокпита на палубу, шагнул через леера на причал и стянул с головы просоленную шерстяную шапку, обнажив всклокоченные, седеющие волосы. Глаза у старпома были красными от ветра и бессонницы, но на обветренных губах блуждала усталая, довольная усмешка.

— Ну что, Женя… — Андрей протянул широкую, загрубевшую ладонь, пахнущую соляркой и мокрой парусиной. — Принимай хозяйство. Сутки хода от Босфора. Ночью у Синопа накрыло ветром до тридцати пяти узлов, волна под три метра шла, короткая, злая, черноморская. Думал, электронику зальёт к лешему. А ей хоть бы хны. Корпус монолит, винтом не крутит, нос всплывает как пробка. Мотор шепчет. Лодка — зверь. Настоящая.

Евгений крепко сжал руку старпома, чувствуя холод его пальцев, и посмотрел на графитовый борт, мерно поднимающийся и опускающийся на мелкой зыби у причала. Два года чертежей, споров с турецкими судостроителями, согласований каждого шпангоута и бессонных ночей теперь стояли перед ним — осязаемые, надёжные, готовые к любому походу.

— Спасибо, Андрей, — негромко сказал Евгений, глядя на ровный строй заклёпок по скуле. — Иди в контору, там чай горячий, в душе вода есть. Отсыпайтесь. Дальше я сам.

Старпом с матросом побрели по понтону в сторону клубного домика, а Евгений остался на причале один. Он положил ладонь на планширь фальшборта. Холодный металл отозвался под пальцами жёсткой, честной тяжестью. Вся остальная марина с её коммерческими катерами, богатыми заказчиками, спорами о ценах на аренду и предсезонной суетой в этот момент отошла на второй план. На нулевом причале «Норд-Марины» стоял его корабль. Судно, которому было тесно в границах севастопольских бухт и которое очень скоро должно было выйти в свой первый настоящий маршрут.

Глава 3

Пары по антикризисному управлению закончились ближе к четырём. Аудитории четвёртого этажа быстро пустели: хлопали тяжёлые двери, на лестничных пролётах стоял звонкий гомон младших курсов, а на улице, за высокими арочными окнами, вовсю хозяйничало тёплое весеннее солнце. Светлана спустилась по широкой лестнице центрального корпуса Ушаковки, придерживая ремень кожаного рюкзака. Выйдя через проходную на проспект Ленина, она глубоко вдохнула плотный, солоноватый воздух. После душной аудитории, пропахшей мелом, пластиком парт и остывшим кофе из автомата, улица встречала настоящей весной. Со стороны Цемесской бухты тянуло свежим морским бризом, в котором отчётливо мешались запахи водорослей, прогретого асфальта и клейкой молодой зелени распускающихся тополей. Где-то далеко, на причалах Восточного пирса, глухо гудел маневровый тепловоз, и этот привычный для Новороссийска портовый ритм действовал на Светлану лучше любого успокоительного. Мысли её, впрочем, крутились совсем не вокруг учёбы. Позавчера поздно вечером она отправила отклик на вакансию удалённого экономиста-аналитика в «Норд-Марину». На объявление наткнулась случайно, на закрытом отраслевом форуме по морской логистике Крыма и Кавказа: компании срочно требовался толковый специалист для аудита эксплуатационных расходов и работы с поставщиками судового оборудования. К резюме прилагалось объёмное тестовое задание — свести баланс сервисного обслуживания десяти чартерных бортов за прошлый сезон с учётом амортизации дизелей и стояночных сборов. Светлана просидела над таблицами почти до рассвета, перепроверяя каждую формулу, вычищая коэффициенты и составляя лаконичную пояснительную записку без капли лишней воды. Ответ обещали дать в течение двух рабочих дней. Срок истекал как раз сегодня к вечеру, и Светлана ловила себя на лёгком, едва заметном внутреннем нетерпении. Ей нужна была эта работа. Не только ради денег, хотя собственная финансовая независимость на четвёртом курсе значила для неё очень много, сколько ради настоящего, живого дела. Перебирать бумажки в городской налоговой или сидеть операционистом в душном отделении банка ей не хотелось категорически. «Ушаковка» давала хорошую морскую базу, и применить её хотелось именно там, где пахнет морем, настоящими кораблями и живым судоходством. Она свернула с проспекта в сторону тенистой аллеи, ведущей к скверу. По обе стороны дорожки стояли побелённые по весне лавочки. На одной из них сидели двое курсантов-судомехаников в тёмной форменной робе, что-то чертившие на коленях в широких конспектах; мимо прокатил мальчишка на самокате, спугнув стайку наглых сизых голубей. У развилки дорожек, прямо возле круглой клумбы с первыми нарциссами, Светлана невольно замедлила шаг. Здесь уже пару лет стоял городской стенд «Мобильной библиотеки» — невысокая металлическая конструкция под козырьком, оформленная в виде книжных полок с нарисованными корешками старых изданий. На каждом корешке рядом с автором и названием темнел ровный квадратный QR-код для быстрого скачивания текста в телефон. Обычно Светлана проходила мимо, едва скользя взглядом по выцветшим за зиму табличкам с классикой, но сегодня глаза сами зацепились за верхнюю полку. Тёмно-синий корешок с простым шрифтом. Александр Грин. «Алые паруса». Светлана остановилась. Весенний ветер шевельнул прядь волос, бросив её на лоб, но она даже не поправила её, разглядывая знакомые буквы. В памяти сразу всплыла старая родительская квартира, узкая тахта под торшером и зачитанная до ветхости тонкая книга в мягкой обложке с разлохмаченными углами. Ей тогда было лет двенадцать. Она читала её запоем, перелистывая страницы с замиранием сердца, прячась под одеялом с фонариком, когда мать велела гасить свет. Тогда, в детстве, вся эта история казалась сказкой о далёкой стране, о белом корабле и сбывшемся чуде. Позже, уже в старших классах, перечитывая повесть совсем другими глазами, Светлана поняла в ней главное — то, что упускали почти все её сверстницы, видевшие в книге лишь красивую мелодраму про принца

и шелка. Грин писал вовсе не про пассивное ожидание чуда. Он писал про человека, который нашёл в себе силу сделать это чудо своими собственными руками, просто потому что у него была живая душа. Про капитана, который не побоялся купить две тысячи метров алого шёлка ради чужой, чистой мечты, и про девушку, которая не позволила городку насмешников и мещан втоптать эту мечту в серую приморскую грязь. Светлана усмехнулась своим мыслям — тихо, едва заметно, одним уголком губ. Достала из кармана куртки телефон, сняла блокировку и включила камеру. Шагнула ближе к стенду, поймала чёрный квадрат кода в объектив. Экран негромко звякнул, высветив короткую ссылку на электронную библиотеку. Пара касаний по стеклу — и стандартный файл книги загрузился во внутреннюю память телефона. Она убрала трубку обратно в карман, поправила лямку рюкзака и зашагала дальше, в сторону набережной. Никакой мистики или предчувствий не было — просто захотелось вечером, после работы с таблицами, перечитать несколько знакомых страниц под шум вечернего прибоя. Дома ждал компьютер, неразобранные задачи и электронный ящик, куда с минуты на минуту должно было прийти письмо из Севастополя. Светлана прибавила шагу. Подъезд сталинского дома встретил Светлану привычной прохладой высоких лестничных пролётов и гулким эхом собственных шагов. Она поднялась на третий этаж, отперла замок ключом с тяжёлым латунным брелоком в виде якоря и вошла в квартиру. В прихожей пахло сквозняком из приоткрытой балконной двери, сухой лавандой и старым паркетом. Сбросив на коврик кроссовки, Светлана повесила куртку на плечики, прошла на кухню, машинально щёлкнула кнопкой электрического чайника и тщательно вымыла руки с мылом под струёй холодной воды. Пока закипала вода, она вернулась в комнату. Здесь было светло. Высокое окно выходило во внутренний тихий двор, заросший старыми акациями, сквозь ветви которых уже проглядывали синие полосы заката над бухтой. На массивном письменном столе царил строгий порядок: стопка распечатанных конспектов, органайзер с чёрными капиллярными ручками, раскрытый финансовый ежедневник и деревянный бриг с алыми шёлковыми парусами. В косых лучах вечернего солнца маленькие паруса казались почти прозрачными, а лакированный тёмный борт сувенира отбрасывал глубокую тень на полированное дерево столешницы. Светлана достала из рюкзака ноутбук, раскрыла крышку и нажала клавишу питания. Вентилятор охладителя тихо зашуршал, разгоняя систему. Она сходила на кухню, налила в тяжёлую керамическую кружку свежезаваренный зелёный чай и вернулась к столу. На экране уже мерцал привычный рабочий стол. Двойной клик по иконке браузера, переход на почтовый сервис. Вкладка «Входящие» обновилась. Светлана опустила кружку на пробковую подставку, не сводя глаз с экрана. Прямо под утренними рассылками из деканата и уведомлениями от библиотеки висело новое письмо, пришедшее двадцать минут назад.

Отправитель: Отдел кадров ООО «Норд-Марина», Севастополь. Тема: «Результаты рассмотрения резюме. Вакансия: ведущий экономист-аналитик (удалённо)».

Пальцы на тачпаде на долю секунды замерли. Светлана сделала короткий вдох, кликнула по строке и развернула письмо на весь экран. Текст был составлен сухо, без казённых восторгов, но с той деловой прямотой, которая сразу вызывала уважение.

«Уважаемая Светлана Олеговна! Руководство ООО „Норд-Марина“ ознакомилось с вашим резюме и результатами выполнения тестового задания. Отмечаем высокую детализацию аудита эксплуатационных расходов и грамотный учёт коэффициентов амортизации судовых силовых установок Yanmar и Volvo Penta. Сообщаем, что ваша кандидатура утверждена на должность удалённого ведущего экономиста-аналитика аналитического отдела. Условия: официальное оформление по договору ГПХ с возможностью последующего перевода в штат, гибкий график с контролем сроков сдачи отчётов, фиксированный оклад согласно штатному расписанию плюс проектная премия по результатам оптимизации смет. Во вложении направляем: 1. Проект договора и соглашение о неразглашении конфиденциальной информации (NDA). 2. Инструкцию по настройке защищённого VPN-соединения с сервером базы данных 1С. 3.

Учётные данные для корпоративного мессенджера (логин и временный пароль). После подписания документов просим подключиться к удалённому рабочему столу. В системе вам будет назначена первая практическая задача от руководства. С уважением, Заместитель генерального директора по общим вопросам В. С. Громов».

Светлана перечитала письмо ещё раз, медленно, вчитываясь в каждую строчку и цифру предложенного оклада в прикреплённом файле договора. Сумма, указанная в договоре, для студентки четвёртого курса была более чем серьёзной. Это были не копейки, которые обычно платили стажёрам «за опыт», а полноценная оплата за квалифицированный труд. С этими деньгами можно было спокойно оплачивать жильё, закрывать все бытовые нужды и ни от кого не зависеть. Ни перед кем не отчитываться, не просить помощи у родителей и уж тем более не слушать глупые поучения подруг вроде Кристины о том, что без чужого кошелька девушке в приморском городе не выжить. Она откинулась на спинку деревянного стула и глубоко, шумно выдохнула. Дикого восторга или желания прыгать до потолка не было. Было другое — тяжёлое, тёплое чувство уверенности в себе. Она не выпрашивала эту работу, не пользовалась связями и не строила глазки на собеседованиях. Она просто села, решила сложнейшую экономическую задачу лучше других соискателей и получила результат. Светлана взяла кружку, сделала глоток терпкого, горячего чая и прикинула в голове расписание на ближайшие недели. На четвёртом курсе пары стояли в основном в первой половине дня, по три-четыре раза в неделю. Дипломная работа писалась вечерами. Если правильно распределить время, выделяя на аудит по четыре часа после обеда, никакой накладки не случится. Наоборот — живая практика в крупной севастопольской марине даст такой фактурный материал для защиты диплома, о котором однокурсники, перекладывающие бумажки в архивах, могли только мечтать. Она скачала прикреплённые файлы на жёсткий диск. Распечатала договор и соглашение о конфиденциальности на стареньком, мерно зажужжавшем лазерном принтере. Внимательно прошлась взглядом по каждому пункту, проверяя юридические реквизиты ООО «Норд-Марина», юридический адрес в Севастополе на улице Героев Подводников и строгие условия неразглашения внутренней финансовой отчётности. Поставила внизу чёткую, размашистую подпись синей пастой, отсканировала подписанные листы через МФУ и отправила ответным письмом. Оставалось главное. Светлана открыла инструкцию по настройке VPN. Скачала дистрибутив защищённого клиента, вбила серверные порты марины и скопировала выданный сертификат безопасности. Экран на секунду моргнул, устанавливая шифрованный туннель связи через Керченский пролив. На панели задач загорелся зелёный значок соединения. Она кликнула по ярлыку корпоративного клиента. Ввела логин — S_Raevskaya — и временный пароль из письма. Система тихо пискнула, принимая авторизацию. Перед Светланой открылось окно удалённого рабочего стола «Норд-Марины» с доступом к базе данных и корпоративной почте. Первый шаг был сделан. Впереди ждало первое задание. Интерфейс корпоративной системы развернулся на весь четырнадцатидюймовый экран ноутбука, заполнив комнату мягким, прохладным свечением. Светлана сдвинула кружку с остывающим чаем на угол стола и взялась за тачпад. В левой колонке удалённого рабочего стола висел список доступных сетевых дисков, папки внутренней документации «Норд-Марины» и окно корпоративного защищённого мессенджера со строгим серым логотипом в виде стилизованного компаса. Она бегло пробежалась взглядом по структуре каталогов. База была выстроена на редкость грамотно: никакой стихийной свалки файлов, чёткое разделение по секторам — эксплуатация флота, гостевой причал, служба снабжения, эллинги, ремонтно-механический участок. Сразу чувствовалась жёсткая морская дисциплина того, кто курировал эту систему. Справа внизу экрана негромко щёлкнул звуковой сигнал. Всплыло небольшое диалоговое окно внутреннего чата.

Отправитель: E.P._Direktor (Генеральный директор ООО «Норд-Марина» Евгений Петрович Казанцев.)

Светлана кликнула по уведомлению, раскрывая диалог. Строка статуса собеседника горела ровным зелёным огоньком — пользователь находился в сети. Сообщение было коротким, написанным сухим, почти телеграфным стилем, без лишних вводных слов и офисных расшаркиваний:

«Светлана Олеговна, приветствую. Документы из кадров получил. Вводная задача: прикрепляю сводную спецификацию и смету поставщиков на регламентное дооснащение и подготовку к навигации моторно-парусного судна проект „Аквилон“ (длина пятьдесят два фута, алюминиевый корпус). В таблице — предложения от трёх дистрибьюторов по судовому оборудованию, крепежу, фильтрам и такелажным комплектующим. Задача: провести встречный аудит цен. Срезать необоснованную маржу посредников, пересчитать логистические коэффициенты с учётом доставки через Новороссийск и Ростов, но базовую надёжность не трогать. Нержавеющую сталь класса А4, оригинальные ремкомплекты к дизелю Yanmar и силовые блоки стоячего такелажа оставлять только по первому классу прочности. На безопасности экономить запрещаю. Предварительный расчёт и перечень спорных позиций жду завтра к одиннадцати утра. В приложении файл смета_аквилон_исх. xlsx».

Светлана несколько секунд смотрела на лаконичный текст на экране. В этой короткой записке не было высокомерия или попытки проверить стажёра на прочность. Чувствовался деловой, предельно конкретный подход человека, который сам до винтика знает своё судно и требует от подчинённых такой же точности. Особенно Светлане запала в душу строчка про запрет экономии на безопасности. На парах по антикризисному менеджменту им постоянно твердили, что оптимизация расходов — это тупое срезание бюджетов везде, где только можно дотянуться. Здесь же директор сразу обозначил границу: резать аппетиты перекупщиков, но не трогать железо, от которого в море зависит жизнь людей.

— Ну что ж, Евгений Петрович, — негромко пробормотала Светлана в пустую комнату, поправляя выбившуюся прядь волос. — Давайте посмотрим, что вам там насчитали.

Она скачала прикреплённую таблицу и развернула её на экране. Файл оказался внушительным — больше трёхсот позиций. Пальцы Светланы привычно легли на клавиатуру, запуская вспомогательный калькулятор и открывая на втором мониторе аналитические сводки оптовых таможенных складов южного региона. Началась кропотливая, въедливая работа, которую Светлана по-настоящему любила. Она шла строка за строкой, выверяя артикулы и маркировки. Уже через сорок минут на белом поле электронной таблицы замелькали жёлтые и красные маркеры. Посредники из Краснодара, пользуясь предсезонной спешкой марины, заложили в смету почти сорокапроцентную наценку на силовую электропроводку морского исполнения в лужёной изоляции, списав это на сложности параллельного импорта. Светлана за три клика нашла прямого дистрибьютора кабельного завода в Санкт-Петербурге, у которого та же самая позиция с сертификатом Морского Регистра лежала на складе в Ростове вдвое дешевле, а доставка транспортной компанией до Севастополя занимала всего трое суток. Дальше пошли судовые фильтры-сепараторы топлива. Второй поставщик пытался навязать неоригинальные картриджи под видом японских расходников. Светлана подняла каталожный номер дизеля, зафиксировала подмену артикула и выделила строку жирным предупреждением. За окном окончательно стемнело. Весенний город затих. С набережной доносился лишь глухой, едва различимый шум прибоя, разбивающегося о мол Цемесской бухты. На столе тихо тикали настенные часы, отсчитывая минуты за полночь. Настольная лампа бросала тёплый круг света на деревянную столешницу, высвечивая лежащий рядом блокнот с быстрыми рукописными расчётами и лакированный борт сувенирного брига с алыми парусами. Светлана не замечала усталости. В ней проснулся тот редкий профессиональный азарт, когда сложная задача раскладывается на простые, логичные уравнения, а хаос чужих завышенных аппетитов превращается в строгую, кристально чистую экономию. К половине второго ночи отчёт был готов. Светлана сформировала итоговый файл: свела сравнительную таблицу с тремя альтернативными вари-

антами прямых закупок, подробно расписала логистическое плечо через паромную переправу и трассу «Таврида» и вывела финальную цифру. Общая смета на дооснащение «Аквилона» снизилась на двадцать восемь процентов — без малейшего ущерба для прочности такелажа и ресурса мотора. Она открыла окно чата, прикрепила готовый аналитический расчёт и набрала короткое сопроводительное сообщение:

«Евгений Петрович, доброй ночи. Первичный аудит сметы по „Аквилону“ завершён. Файл с обоснованием во вложении. Выявлено завышение цен по позициям судовой электропроводки (наценка сорок процентов) и попытка поставки неоригинальных сепараторов топлива. Подобраны прямые поставщики в Ростове и Новороссийске с наличием на складах. Логистика просчитана, сроки поставки сокращены на четыре дня. Качество металлоизделий и крепежа класса А4 сохранено в полном объёме».

Светлана нажала клавишу ввода. Сообщение ушло на сервер. Она не ждала мгновенного ответа — на часах было без десяти два, нормальные люди в это время давно спали. Она потянулась всем телом, разминая затекшие плечи, закрыла крышку ежедневника и собралась отправить ноутбук в спящий режим. Но в тот же миг статус собеседника в чате моргнул, появилась бегущая строчка «пользователь печатает», и через тридцать секунд на экране всплыл короткий ответ:

«Не спите, Светлана Олеговна? Оперативно. Таблицу открыл. Расчёты по ростовскому кабелю и топливным фильтрам бьют в яблочко, как раз то, что требовалось. С утра передам снабженцам под роспись, пусть снимут спесь с краснодарцев. С первой задачей справились на отлично. Отдыхайте. Завтра подключим вас к анализу стояночных договоров марины. Доброй ночи».

Светлана прочитала сообщение, и на губах её сама собой появилась лёгкая, искренняя улыбка. Она закрыла крышку ноутбука, поднялась из-за стола и подошла к окну. Отодвинула плотную штору, вглядываясь в тёмную морскую гладь, где вдалеке мерцали огни рейда. Ветер с бухты чуть слышно покачивал ветви акации под окном.

Глава 4

Утро в «Норд-Марине» началось раньше обычного. После прихода «Аквилона» на причале прибавилось работы: приём груза, сверка документов по переходу, уборка временных швартовов, планирование снабжения на ближайший месяц. Евгений пришёл в кабинет около восьми. На столе уже лежала папка от старпома Андрея с ходовыми заметками, рядом стоял ноутбук, а из распахнутого окна тянуло свежим ветром со Стрелецкой бухты — запахом сырой морской соли. За окном над водой поднималось синее апрельское солнце. На графитовом борту «Аквилона» белели соляные разводы, а у соседнего понтона двое рабочих смывали водой сухую грязь с настила. Евгений открыл ноутбук. Первое, что бросилось в глаза, — значок нового сообщения в защищённом корпоративном мессенджере. Отметка времени — 01:42. Светлана Олеговна Раевская прислала итоговый файл по «Аквилону» через несколько часов после того, как получила доступ к серверу. Он развернул её сравнительную таблицу на большом мониторе. Ночью, перед сном, он уже бегло просмотрел расчёт, но сейчас, на свежую голову, цифры выглядели убедительнее. Девчонка из Новороссийска не просто нашла наценку — она буквально по косточкам разобрала аппетиты посредников из Краснодара. Выявила сорокапроцентную накрутку на лужёный кабель, зафиксировала попытку всучить неоригинальные сепараторы под видом японских и нашла прямой склад в Ростове с доставкой за три дня. Но главное было в другом. В примечаниях Раевская не стала бездумно резать всё подряд. По силовому крепежу из нержавейки класса A4 и ремкомплектам к дизелю Yanmar она чётко прописала: «Замена на аналоги недопустима: безопасность и ресурс мотора требуют применения оригинальных узлов». Евгений откинулся на спинку кресла и негромко хмыкнул. У девчонки были настоящие морские мозги. Она понимала, чем отличается экономия от глупости. В дверь коротко постучали. На пороге появился Валерий Семёнович Громов. В одной руке он держал чашку со свежим кофе, в другой — подписанный договор подряда.

— Не спишь, Евгений Петрович? — Громов опустился в кресло напротив, положив папку на край стола. — Видел ночной отчёт от нашей студентки?

— Видел, — Евгений повернул монитор к заместителю. — Посмотри на третий лист. Она сэкономила нам почти тридцать процентов бюджета по ЗИПу и сократила логистику на четыре дня. Без потери качества по металлу.

Громов надел очки, вчитался в строки и уважительно качнул седой головой:

— Да уж… Краснодарцы сегодня очень удивятся, когда мы им их же спецификацию с её правками обратно по почте завернём. Снабженцы уже на ушах стоят.

— Пусть стоят, полезно, — Евгений взял ручку и развернул договор Раевской. — Договор подписан?

— Да, кадры всё провели. Логин S_Raevskaya активен. Девочка работает официально. Оклад поставили как договаривались — по верхней планке для ведущего аналитика.

— Хорошо, — Евгений размашисто поставил подпись на последнем листе и вернул папку Громову. — Передай снабжению: закупки по «Аквилону» делать строго по её таблице. Никаких отступлений. А Светлане Олеговне закинь в систему следующий блок. Пусть поднимет коммерческие договоры аренды причалов за прошлый сезон и выведет аналитику по простоям. Посмотрим, где у нас просадка по транзитным катерам.

— Сделаем, — Громов забрал папку и поднялся. — Она, кстати, из Ушаковки пишется, пары у неё до обеда. На связь выходит чётко после двух. Иногда бывают сдвиги в расписании.

— Нам спешить некуда, пусть работает в своём графике, — ответил Евгений, поворачиваясь к окну.

В этот момент на его рабочем столе зазвонил городской телефон внутренней связи. Пожилая диспетчер марины из нижнего корпуса сообщала, что по линии Межрегионального

союза яхтенных портов пришёл срочный вызов из Геленджика. Евгений снял трубку, прислушиваясь к далёким помехам на линии. На связи был главный инженер строящейся марины в Геленджикской бухте — давний знакомый Евгения по парусным регатам.

— Петрович, привет! — раздался в трубке басовитый, сжатый морским ветром голос. — Выручай. У нас тут по новому молу проблемы возникли. Проектировщики из Москвы намудрили со швартовными пальцами и выносом плавучих понтонов. На бумаге красиво, а по факту в норд-ост их там срежет первой же волной. Нужен твой глаз и твоя оценка. Сможешь к нам на день-два выскочить? Посмотришь проектную документацию, глянешь место на натуре, дашь официальное заключение для инвесторов. С нас — соляра и полная оплата экспертного выхода.

Евгений задумчиво посмотрел на пролив, где весеннее солнце вызолотило вершину мыса Херсонес. Поездка в Геленджик была деловой, нужной и вполне своевременной. Впереди маячили выходные, серьёзных штормов на Кавказском побережье гидрометцентр не обещал — стоял чистый весенний антициклон с ровным попутным ветром.

— Посмотреть можно, — ответил Евгений. — Когда вам заключение нужно?

— Чем быстрее, тем лучше. В субботу у нас попечительский совет. Если в пятницу к обеду будешь в Геленджике — спасешь стройку.

— Договорились, — сказал Евгений. — В пятницу к двенадцати буду у вас на причале. Готовьте чертежи и акты скрытых работ. Конец связи.

Опустив трубку на рычаг, Евгений поднялся из-за стола. Дел перед выходом оставалось невпроворот, а до Геленджика по морю нужно было ещё дойти. Он спустился из административного корпуса на причал, на ходу расстёгивая воротник ветровки. Апрельское солнце уже заметно пригревало. Взвесь соляной пыли над Стрелецкой бухтой постепенно уступала место чистому, прозрачному воздуху, в котором отчётливо проступали противоположные берега с серыми силуэтами доков и сухих доков судоремонтного завода. Он прошёл мимо центрального понтона, где у нулевого причала отдыхал после перегона «Аквилон». На палубе флагмана было тихо: Андрей с матросом отсыпались после ночной вахты, и только над ходовой рубкой чуть слышно посвистывал в растяжках свежий попутный ветер. Для поездки в Геленджик гонять пятидесятидвухфутовый парусник не имело ни малейшего смысла. «Аквилон» требовал докомплектации, и основатеной подготовки, а для быстрой служебной вылазки вдоль побережья на пару дней в марине имелась совсем другая техника. Евгений повернул к дальнему служебному пирсу, где швартовался сервисный флот «Норд-Марины». Здесь, у короткого плавучего мостка, стоял «Скат» — десятиметровый каютный катер из толстого неокрашенного морского алюминия с прямоугольной рубкой-салоном и массивным резиновым привальным брусом по всему периметру. Внешне он выглядел грубовато, без глянцевого шика и никелированных решёток, но среди капитанов марины пользовался заслуженным уважением. Лодка была скомпонована по принципу северных морских внедорожников: килеватое днище, способное ломать короткую злую волну, двойные алюминиевые борта с пенозаполнением и два надёжных стационарных дизеля Volvo Penta по двести лошадиных сил каждый, работавшие на поворотно-откидные колонки. У кормового решётчатого кринолина катера возился Семеныч. Старый механик сидел на корточках, проверяя через люк состояние гидравлических шлангов рулевого привода.

— Семеныч, здорово ещё раз, — Евгений шагнул через борт на рифлёный металл палубы. — Как «Скат»? В строю?

Механик поднял голову, отёр со лба пот и поднялся, держа в руках рожковый ключ:

— А чего ему сделается, Жень? «Скат» у нас как дежурный бронетранспортёр. На прошлой неделе фильтра поменяли, колонки отхаживали, масла свежие залили. На ходу. А что, собрался куда?

— В Геленджик надо морем сходить, — Евгений подошёл к люку моторного отсека и откинул на газовых упорах тяжёлую крышку со звукоизоляцией. — В пятницу к обеду ждут на объекте. Посмотрю их новые понтоны перед норд-остом.

Семеныч понимающе крякнул, подошёл ближе и заглянул в трюм через плечо Евгения:

— Понятно. В Геленджике сейчас марину перестраивают, знаю. Дело нужное. На «Скате» пойдёшь? А чего не на своём «Аквилоне»? Похвастался бы перед кавказскими.

— На «Аквилоне» я ещё успею накататься, — спокойно ответил Евгений. — Мне до Геленджика пройти нужно быстро и без танцев с парусами. На «Скате» крейсерские двадцать пять узлов дам — за шесть с небольшим часов буду у них в бухте. Маршрут простой: пролив прошли, вдоль Южного берега поднялись, Керченский проход траверзом — и на место.

Он опустился на колено и достал из гнезда масляный щуп правого дизеля. Поднёс щуп к свету: масло было чистым, тёмно-янтарным, без следов гари или эмульсии, уровень стоял точно по верхней риске. Евгений вытер металл ветошью, вставил щуп обратно и проверил левый двигатель. Там тоже всё оказалось в полной норме.

— Баки полные? — спросил он, поднимаясь и вытирая руки.

— Вчера под горловину заправили, — отозвался Семеныч. — Восемьсот литров солярки. Тебе на переход туда и обратно за глаза хватит, ещё и останется треть. Радиостанцию я утром прогонял, на шестнадцатом канале чистый приём, навигатор карты обновлённые держит. Спасательный плот на крыше проверен, освидетельствование до осени.

— Отлично.

Евгений прошёл в рубку. Внутри пахло сухой палубой, резиной и виниловой обивкой кресел. Всё было устроено строго, по-морскому функционально: большой картплоттер с диагональю двенадцать дюймов, рукоятки управления газом и реверсом, тумблеры помповых насосов, компас в нагеле и два глубоких анатомических кресла с амортизаторами. Никаких лишних украшений, но видимость из рулевой рубки с панорамным остеклением открывалась на триста шестьдесят градусов. Евгений щёлкнул тумблером бортового питания. Экраны приборов ожили, мягко зашуршал вентилятор охлаждения навигационного блока. Спутники выстроились на карте, определив точные координаты «Норд-Марины» в Стрелецкой бухте.

— Выходить когда думаешь? — спросил Семеныч, заглядывая в дверь рубки.

— Завтра на рассвете, часа в четыре утра, — прикинул Евгений, проверяя показания датчиков аккумуляторов. — Пройду по тихой воде, пока дневной термальный ветер не поднялся. К двенадцати дня буду в Геленджике, закрою вопросы по проекту, заночую в гостинице у причала или даже у себя в каюте, а в субботу к вечеру вернусь обратно.

— Один пойдёшь или матроса дать?

— Сам схожу, я думаю, — покачал головой Евгений. — На «Скате» управление выведено на один пост, автомат держит курс ровно. Зачем парней от предсезонной работы отрывать? На причале сейчас каждый человек на счету.

— Ну, как знаешь, — Семеныч кивнул. — Завтра в три тридцать буду на пирсе, помогу швартовы отдать и под завязку пресной воды в танк долью.

Евгений выключил тумблеры, накрыл приборную панель защитным чехлом и выбрался из рубки на свежий воздух. Он сошёл с катера на деревянный настил. «Скат» оставался у служебного пирса: выходить сегодня никуда не собирались. Нужно было лишь проверить, что к утру всё готово.

— Семеныч, поставь его в график на завтра, — сказал Евгений. — Выход в четыре. До моего приезда проверь ещё раз связь и ходовые огни. Если прогноз изменится, позвони.

— Понял. И пресную воду долить?

— Долей. И проверь запас масла на оба двигателя. На всякий случай.

— Уже записал.

Евгений задержался у борта, провёл ладонью по холодному алюминию и ещё раз посмотрел на катер. «Скат» был рабочим судном, без излишеств, но он доверял ему: знал, как тот ведёт себя на короткой волне, насколько быстро набирает ход и сколько топлива расходует на разных оборотах. Для быстрой поездки в Геленджик подходил лучше «Аквилона» — меньше подготовки, меньше людей, никаких парусов. Если погода останется такой же, к полудню он будет на месте. Вернувшись в административный корпус, Евгений поднялся в кабинет. Громов всё ещё был на месте и разбирал бумаги у своего стола. На столе самого Евгения уже лежали документы по новому контракту и список текущих вопросов марины.

— «Скат» завтра готовим к выходу, — сообщил Евгений, снимая ветровку. — Семеныч знает. Я буду в Геленджике до обеда, вернусь в субботу. Пока меня нет, текущие решения за тобой. Если что-то срочное по «Аквилону» — звони Андрею, он после отдыха будет на связи.

— Хорошо. По приезду делегации из Ростова я сам всё проведу. Они обещали быть завтра к десяти.

— Проведи. Пусть осмотрят понтон, но на нулевое место никого не ставь. Он только под «Аквилон».

Громов коротко кивнул. За несколько лет он привык, что Евгений не любил оставлять дела на самотёк, но и не стремился контролировать каждый шаг сотрудников. Если задачу передали, значит, доверяли человеку её выполнить. Евгений проверил почту и открыл корпоративный мессенджер. Возле учётной записи Светланы Раевской горел серый индикатор: она не была в сети. Он не стал писать ей вне рабочего времени. В её графике занятия заканчивались после обеда, а следующий блок документов можно было отправить утром. Вместо этого Евгений набросал короткое сообщение для Громова: подготовить к пятнице договоры аренды причалов за прошлый сезон и сводку по простоям. Светлане предстояло разобрать их позже, когда завершится работа со сметой «Аквилона». Поспешность здесь была ни к чему: ей нужно было понять структуру, а ему — убедиться, что данные сведены без ошибок. Перед закрытием кабинета он ещё раз посмотрел прогноз. На ближайшие сутки синоптики обещали переменную облачность, умеренный северо-западный ветер и небольшую волну. Для «Ската» условия были обычные. Евгений сохранил прогноз на телефон и убрал его в карман. На причале день продолжался. Рабочие убирали инструмент, кто-то сливал воду из шлангов, механики переговаривались у открытого люка катера. «Аквилон» покачивался у нулевого места, чистый после мойки, но ещё не готовый к следующему выходу. На его палубе оставались сложенные бухты концов и защитный чехол, который Андрей просил не убирать до повторного осмотра. Евгений задержался у понтона, проверил, как закрепили кормовой швартов, и поднялся обратно в офис. На сегодня дел больше не было. Завтра предстоял ранний подъём, но сначала нужно было спокойно закончить день и выспаться.

Он запер дверь кабинета и спустился к стоянке. «Скат» ждал у служебного пирса, а выйти в море ему предстояло только завтра утром.

Глава 5

В четверг вечером Светлана сидела за письменным столом, подперев ладонью подбородок и мерно водя механическим карандашом по строчкам расчёта. Перед ней на полированной дубовой столешнице лежали раскрытая курсовая по оценке инвестиционных проектов и распечатка с едкими кафедральными замечаниями на полях. Светлана сверяла формулы, зачёркивала повторяющиеся аргументы и тонкими штрихами подчёркивала места, требующие окончательной правки. На экране ноутбука, стоявшего чуть левее, мерцала таблица с расчётом окупаемости портового терминала. Она уже третий раз возвращалась к одному и тому же коэффициенту, который упрямо не сходился. Внутри медленно закипало то самое холодное упрямство, которое всегда помогало ей доводить дело до конца. Телефон на краю стопки учебников вдруг ожил, завибрировал и с тихим шуршанием пополз к самому краю стопки. Светлана придержала лист ладонью, чтобы не сбить бумаги, и мельком глянула на дисплей. Ирка. Она нажала на громкую связь и, не отрываясь от распечатки, снова взялась за карандаш.

— Да, Ир. Слушаю тебя.

— Светка, ты там живая вообще? — из динамика мгновенно обрушился звонкий, нетерпеливый голос двоюродной сестры. — Или тебя окончательно засыпало твоими ведомостями и актами? Я до тебя второй час достучаться не могу!

— Живая. И вполне осязаемая, — Светлана аккуратно обвела кружком цифру в распечатке и перевернула страницу. — Что за срочность?

— Срочность в том, что в эту пятницу ты берёшь свой рюкзак, закидываешь туда свой вечный ноутбук и дуешь ко мне в Геленджик на выходные. Даже не начинай про «хвосты» и «дипломы», я уже чувствую, как ты там морщишься. Всё, точка. Посидим, проветришь мозги, попьём кофе на набережной. У нас тут весна такая, что грех в своём Новороссийске киснуть.

Светлана на секунду замерла с карандашом в руке, глядя на алые паруса сувенирного брига в углу стола. Голос Ирины — бодрый, бесшабашный и абсолютно искренний — всегда действовал на неё отрезвляюще. Она перевела взгляд на календарь на стене. Завтра — пятница. Пары до трёх, потом зайти в деканат, сдать хвост по практике. Если ударно поработать сегодня до полуночи и утром до выхода в университет, вечер пятницы действительно вырисовывался свободным. Да и работу из «Норд-Марины» можно было спокойно взять с собой: удалённый доступ позволял зайти в систему из любого места, где есть сеть.

— Ир, у меня курсовая не закончена. И по работе новый блок по стояночным договорам прислали, нужно разобраться, — произнесла Светлана, всё ещё вчитываясь в финансовые графики.

— Одно другому не мешает, — отрезала Ирина. — Сядешь у меня на балконе, выставишь свой компьютер, и работай под шум прибоя. Я тебя трогать не буду, честное слово. Но вечером — прогулка. Всё, Светка, я тебя жду в семь вечера на автовокзале. Билет купи заранее, а то завтра все рванут через перевал.

Светлана отложила карандаш, откинулась на спинку стула и на секунду прикрыла глаза, давая им отдых от мелких цифр и мерцания монитора. Мысль о Геленджике вдруг показалась удивительно правильной. Всего сорок минут на автобусе — и ты в другой бухте, подальше от привычных стен и вечного ощущения, что нужно куда-то бежать и соответствовать чьим-то ожиданиям.

— Хорошо, — ответила она, открывая глаза и глядя на телефон. — Убедила. В пятницу после занятий заеду домой за вещами и ноутбуком, а потом — на вокзал. Приеду вечерним рейсом.

— Ну вот! — в голосе Ирины послышалось явное торжество. — Сразу видно — вменяемый человек. Всё, Светка, не отвлекаю от твоей великой экономики. Целую, жду завтра!

Светлана положила телефон обратно на стопку книг. В комнате снова установилась глубокая тишина, нарушаемая лишь далёким, едва слышным шумом прибоя из открытой форточки. Она снова взялась за карандаш, но теперь движения её стали быстрее и увереннее. План на завтра сложился сам собой: закончить этот раздел, утром проверить расчёты в электронном виде, а по пути в университет через мобильное приложение купить билет. Геленджикские выходные больше не казались тратой времени. Наоборот, они стали тем самым «погодным окном», в которое нужно было успеть проскочить перед по-настоящему горячей порой сессии и серьёзной работы на севастопольскую марину. Светлана сосредоточенно вписала искомую цифру в графу окупаемости и наконец увидела, что баланс сошёлся. Первый этап был закрыт. Не успела она закрыть файл с расчётами, как телефон снова ожил. Экран ярко вспыхнул, отбросив тень на страницы курсовой, и по полированной поверхности разнёсся знакомый, чуть назойливый звонок. Кристина. Светлана вздохнула, понимая, что спокойно доработать вечер вряд ли удастся. Она сдвинула в сторону распечатку, провела пальцем по экрану и ответила:

— Да, Крис.

— Светка, я гений! Можешь меня поздравлять, — в трубке звучало столько триумфального напряжения, будто подруга только что выиграла тендер на застройку центральной набережной. — Короче, я всё уладила. Стоило, правда, нервов целая тонна, но я его дожала!

Светлана нахмурилась, чувствуя, как внутри начинает нарастать глухое раздражение:

— Ты о ком?

— О Денисе, о ком же ещё! — Кристина даже фыркнула от неожиданности. — Ты думала, я так просто всё брошу? В общем, он поначалу быковал: мол, «чё это твоя подруга мне при свидании козу устроила и сбежала, я чё, клоун какой-то?». Но я ему популярно объяснила, что ты у меня девочка сложная, с характером, отличница, вся в науке, просто устала на сессии. Короче, он остыл. В эту пятницу вечером мы снова идём в то же кафе у Маяка. Нас ждёт столик, и Денис специально ради тебя отменил встречу с какими-то застройщиками из Анапы! Представляешь уровень?

Светлана откинулась на спинку стула и некоторое время молча смотрела на маленькие алые паруса деревянного брига. В груди нарастало странное, чистое чувство брезгливости. Ей даже не хотелось объяснять Кристине, насколько ей плевать на этого Дениса, на его застройщиков из Анапы и на их «высокий уровень».

— Кристин, отмени столик, — произнесла Светлана ровным, спокойным голосом, в котором не было ни капли злости — только холодная, окончательная усталость.

В трубке на секунду повисла ошеломлённая тишина.

— В смысле… отмени? — голос Кристины потерял всю свою победную звонкость и сделался тонким, испуганным. — Свет, ты чего? Я полдня убила, чтобы его уговорить дать тебе второй шанс! Ты понимаешь, какие у него возможности? Да он…

— Крис, я никуда не пойду, — перебила её Светлана, не повышая голоса. — Ни в пятницу, ни в субботу. Ни с Денисом, ни без него. Мне это неинтересно. Совсем.

— Да ты… ты с ума сошла?! — Кристина сорвалась на крик, переходящий в истерический шёпот. — Тебе двадцать один год, а ты ведёшь себя как… как… Ты чего нос воротишь?! Парень упакован, при тачке, батя его в строительном бизнесе ворочает миллионами! Чего тебе ещё надо-то для счастья?! Сидеть до старости в своей коммуналке над отчётами?!

— Мне не нужна чужая тачка и чужие миллионы, Кристин, — так же спокойно ответила Светлана. — И тем более мне не нужен человек, с которым даже полчаса за столом — каторга.

— Да ты просто с жиру бесишься! — Кристина уже не сдерживала обиду и злость. — Ты своего выдуманного Грэя из книжки ждёшь, да? Думаешь, приплывёт принц под парусами? Проснись, Светка! На дворе Новороссийск, а не сказка! Тебя первый же нормальный парень бросит добиваться, потому что ты никому со своими запросами не нужна будешь!

Светлана медленно выдохнула. Она знала Кристину: та сейчас выплескивала всё накопленное раздражение, всю свою обывательскую тревогу за подругу, которая упорно отказывалась жить по её убогим, унылым лекалам. Но слушать этот бред дальше не было ни малейшего желания.

— Всё, Крис, — тихо сказала Светлана. — Спасибо за заботу, но закрываем эту тему. Разговор окончен. И на эти выходные я вообще уезжаю из города, меня в Новороссийске не будет. К родственникам в Геленджик еду. Так что физически ни в какое кафе прийти не смогла бы при всём желании.

— К родственникам… — Кристина презрительно фыркнула в динамик. — Ну конечно. Прячься дальше за юбки тёток, раз нормальной личной жизни испугалась. Сиди со своими учебниками! Больше я тебе никого предлагать не буду, сама ищи!

Светлана опустила телефон на стол. Экран погас. В комнате снова стало тихо. Настенные ходики мерно отсчитывали секунды. Никакого тяжёлого осадка внутри не осталось — напротив, в груди было удивительно легко и просто, будто она наконец вымела из угла давно мешавший мусор. Дверь в этот фальшивый, пластмассовый мир закрылась сама собой, и возвращаться туда не хотелось ни на секунду. Она взяла чашку, сделала уже остывший глоток зелёного чая, перевела дух и вернула взгляд к экрану ноутбука. Впереди лежал второй фронт — работа на севастопольскую марину, где никто не кричал про миллионы и «принцев», а ставил конкретные задачи, ждал честных цифр и уважал чужие мозги. И эта реальность нравилась ей куда больше. Светлана отложила телефон и несколько минут сидела неподвижно, глядя на тёмное окно. Резкие слова Кристины ещё висели в воздухе, но внутри уже ничего не откликалось на эту чужую, навязчивую злость. В комнате пахло остывающим чаем и старой бумагой от разложенных конспектов. Она потянулась, разминая затёкшие плечи, и решительно придвинула к себе раскрытую папку с практическими заданиями. Первым делом нужно было закрыть «хвост» по финансовому анализу. Профессор Прохоренко — человек старой закалки, не признававший никаких оправданий, — ждал этот расчёт завтра утром до начала первой пары. Это была сложная, многоступенчатая задача по моделированию денежных потоков для гипотетического логистического терминала. Светлана снова взялась за карандаш. Она любила эти минуты сосредоточенности, когда хаос цифр постепенно выстраивался в строгую логическую цепочку, а карандашный грифель оставлял чёткие, уверенные штрихи на белом листе. В комнате установилась та особая тишина, какая бывает только поздним вечером в старых домах с толстыми стенами. Где-то далеко за окнами глухо вздохнуло море, и этот звук, едва различимый сквозь приоткрытую форточку, помог окончательно выкинуть из головы Дениса, Кристину и всю их пустую суету. Светлана сосредоточенно вписала итоговое значение дисконтированного дохода в последнюю графу. Теперь всё было чисто. Прохоренко примет работу без единого вопроса. Она сложила листы в прозрачный файл, убрала их в рюкзак и открыла крышку ноутбука. Пора было переходить ко второму фронту. Значок защищённого соединения «Норд-Марины» в углу экрана привычно мигнул зелёным. Светлана ввела пароль, и перед ней развернулся интерфейс удалённого рабочего стола севастопольской марины. В окне мессенджера уже висело новое сообщение от руководителя — E.P._Direktor.

Она открыла текст. Евгений Петрович, как всегда, был краток:

«Светлана Олеговна, второй блок задач на текущий период. Необходимо провести аудит коммерческих договоров аренды гостевых причалов за прошлый навигационный сезон. Особое внимание — анализу „мёртвых зон“ и простою транзитных катеров. В системе — архив логов диспетчерской и реестр платежей. Задача: выявить причины неэффективного использования парковочных мест в пик сезона и подготовить предложения по оптимизации системы бронирования. Файлы в папке „Аналитика_Стоянки“. Срочности по отчёту нет, жду первичные выводы к началу следующей недели».

Светлана перечитала вводную, и в ней снова проснулся тот самый азарт исследователя, который она почувствовала при разборе сметы «Аквилона». Она открыла первый файл. Перед ней развернулся огромный массив данных: сотни заходов яхт, даты бронирования, фактические сроки стоянки, чеки за воду и электричество. Это было похоже на огромную, запутанную карту, где за каждой строчкой стояло реальное движение судов в Севастопольской бухте. Она начала сравнивать колонки, сопоставлять время подачи заявок с реальным временем швартовки. Почти сразу глаз зацепился за странную закономерность: в июле и августе несколько самых удобных мест на центральном понтоне по документам числились занятыми, но потребление воды и энергии по ним было нулевым.

— Бронировали и не приходили? — негромко пробормотала Светлана, нахмурившись. — Или держали места для «своих», пока транзитники уходили в Балаклаву?

Она создала новую таблицу, назвав её «Анализ_Простоев_Раевская», и начала методично переносить туда спорные даты. Работа захватила её полностью. Она не замечала, как летит время, как в соседних квартирах гаснут окна и затихает редкий шум машин на проспекте Ленина. В свете настольной лампы алые паруса маленького брига на краю стола казались живыми, готовыми вот-вот наполниться ветром, и этот безмолвный свидетель её ночного труда придавал сил. Светлана понимала: если она закроет первичную аналитику сегодня ночью, то завтра в Геленджике у неё останется только чистовая доводка отчёта. Можно будет спокойно сидеть на балконе у Ирки, глядя на море, и просто шлифовать выводы, не дёргаясь из-за неразобранных массивов данных. К половине второго ночи костяк отчёта был готов. Она выявила три системные ошибки в текущей схеме бронирования «Норд-Марины», из-за которых марина теряла почти пятнадцать процентов потенциальной прибыли в высокий сезон. Это были сухие, неоспоримые факты, подкреплённые её расчётами. Светлана сохранила проект на удалённом сервере, закрыла сессию и с тихим щелчком опустила крышку ноутбука. Глаза немного пощипывало от напряжения, но внутри было ровное, хорошее чувство выполненного долга. Она поднялась, подошла к окну и распахнула створку пошире. В комнату хлынул холодный, пронзительно чистый ночной воздух, пахнущий солью и свободой. Город спал. Где-то там, за Маркотхским хребтом, спал и Геленджик, куда она отправится всего через несколько часов. Светлана посмотрела на тёмную гладь Цемесской бухты, где на рейде медленно покачивались огни судов. Завтра будет другой день, другая бухта и совсем другие разговоры. Она знала, что всё делает правильно. Она не просто экономила деньги чужого предприятия — она строила свой собственный путь, шаг за шагом уходя от серой, предсказуемой колеи, которую ей так навязчиво пытались навязать. Умывшись холодной водой, она легла в постель и почти мгновенно провалилась в глубокий, спокойный сон без сновидений. Четверг закончился, а впереди ждало утро пятницы и дорога к сестре.

Глава 6

За час до рассвета Стрелецкая бухта казалась нарисованной тушью на сером бархате. Вода у причалов замерла зеркальной, неподвижной гладью, в которой столбами отражались редкие жёлтые огни фонарей «Норд-Марины». В прохладном весеннем воздухе висела густая тишина, нарушаемая лишь далёким, едва слышным рокотом рейдового катера у мола-причала да криками ночных чаек. Евгений отдал швартовы сам. Семеныч, как и обещал, пришёл без четверти четыре. Старый механик молча принял с бака тяжёлый канат, набросил его на кнехт у пирса и коротко, по-мужицки приподнял руку в засаленной кепке. Евгений откликнулся кивком из полуоткрытого окна рубки, переложил рукоятки реверса и плавно дал задний ход. Десятиметровый алюминиевый «Скат» отошёл от деревянного настила мостка мягко и бесшумно, оставив за кормой лишь узкую, фосфоресцирующую полосу разошедшейся зыби. Выйдя на середину бухты, Евгений выровнял корпус по створам, перевёл рычаги вперёд и добавил оборотов. Два стационарных дизеля Volvo Penta под палубой отозвались слитным, глубоким басовитым рокотом. В закрытой, хорошо звукоизолированной рубке этот звук ощущался не ушами, а скорее лёгкой, сытой вибрацией, отдававшей сквозь подошвы топсайдеров по рифлёному настилу. Катер быстро набрал ход. Выйдя за входные молы в открытое море, «Скат» слегка присел на корму, поднял над форштевнем усы белой пены и пошёл резать весеннюю волну на привычных двадцати пяти узлах. К пяти утра за кормой окончательно растаяли огни Севастополя. Слева по борту тянулась тёмная, ещё не проснувшаяся полоса крымского побережья. На востоке, над зубчатым силуэтом гор, небо постепенно наливалось сизым, холодным рассветным перламутром. Весеннее море у берегов ЮБК было раскидистым, глубоким, с длинной, пологой зыбью. Алюминиевый корпус катера весом почти в семь тонн не прыгал по верхушкам, а с сухим, увесистым «бум-бум» проламывал встречный вал, разбрызгивая по сторонам тугие веера солёной мороси, которые мгновенно затягивало предрассветным ветром. Евгений сидел в высоком анатомическом кресле у правого борта. Посадка была высокой, панорамное остекление рубки давало отличный обзор на триста шестьдесят градусов. Правая рука привычно лежала на обрезиненном штурвале, чутко ловя уход судна с курса, а в левой он держал тяжёлый морской бинокль в защитном матовом корпусе. Пройдя траверз Фиолента, он поднёс окуляры к глазам. В круглом стеклянном поле бинокля, чуть подрагивающем от ходовой вибрации катера, во всём своём первозданном величии проступил мыс Айя. Огромный, дымчато-серый скальный массив уходил отвесной, монументальной кручей прямо в синюю бездну. У самого подножия гигантских каменных лбов бурлила и пенилась белая прибойная сулоя, выстреливая вверх столбами солёного пара. Скалы казались глухими, неприступными, хранящими вековую тишину этих вод. Евгений чуть сместил окуляры правее, поднимая оптику выше по побережью. Там, в бледных лучах пробивающегося солнца, над верхушками прибрежных затуманенных лесов выросли зазубренные вершины Ай-Петри. Острые каменные зубцы, словно клыки древнего зверя, зацепили край рваного утреннего облака. В окуляре было видно, как розовый свет зари медленно сползает по серым кручам вниз, к ещё тёмным, спящим ущельям Мисхора и Алупки. Евгений опустил бинокль на мягкую подушку приборной панели. Внутри рубки было сухо, тепло и удивительно уютно. Приборная панель мерцала мягкой зелёной подсветкой картплоттера, на котором тонкая красная линия курса вытягивалась на восток, пробивая пространство в сторону Кавказского берега. Из термоса, закреплённого в подстаканнике, пахло крепким, горячим кофе с корицей. Евгений сделал глоток прямо из металлической крышки-кружки, чувствуя, как терпкий, обжигающий напиток прогоняет остатки утренней дремоты. Это было то самое редкое состояние абсолютной свободы, ради которого люди и уходят в море. Никакой офисной суеты, никаких чужих претензий, никакой словесной шелухи. Только двухсотсильные дизели под ногами, мерный ритм волны, чистый морской ветер за стеклом и прон-

зительная, гордая красота просыпающейся земли по левому борту. «Скат» держал курс уверенно и ровно, разрезая солёный апрельский воздух на пути к Геленджику. К одиннадцати утра солнце поднялось высоко, растопив утреннюю дымку и залив морскую гладь ровным, ослепительным блеском. Крымский берег постепенно уходил на север, растворяясь в сизой дымке за кормой. «Скат» миновал траверз Меганома и вышел на прямой открытый переход через восточную часть бассейна, оставляя далеко слева вход в Керченский пролив. Здесь, на глубокой воде, не было прибрежной суеты. Изредка на горизонте показывались тяжёлые, гружёные танкеры и балкеры, шедшие по рекомендованным путям разделения движения в сторону Босфора. Катер легко расходился с ними на дистанции в пару миль, оставляя за собой широкий пенный кильватерный след. Евгений переключил навигатор на более крупный масштаб. Красный маркер судна на сенсорном дисплее ровно полз вдоль заданной путевой линии. Электроника работала безупречно: авторулевой чутко парировал полутораметровую попутную волну, удерживая заданный курс девяносто восемь градусов с точностью до десятых долей. Он встал с кресла, потянулся, разминая затёкшую поясницу, и подошёл к маленькому камбузному закутку в кормовой части рубки. Налил из термоса остатки уже остывающего, но всё ещё крепкого кофе, оперся бедром о переборку и посмотрел в боковой иллюминатор. Вода под скулой катера бурлила, отбрасывая бирюзовые, прозрачные до самого дна гребни. В такие часы перехода Евгений всегда чувствовал, как из головы выветривается вся береговая шелуха. В Севастополе жизнь неслась плотным, нескончаемым потоком: звонки, счета, капризные арендаторы причалов, споры с подрядчиками, бесконечные попытки навязать «нужные знакомства». Люди на берегу постоянно чего-то требовали, суетились, мерились марками часов и ценой машин, пытаясь казаться значительнее, чем они есть на самом деле. Ему претила эта ярмарка тщеславия. Он помнил, как два года назад одна из местных «светских львиц», с которой его пытались свести на открытии парусного сезона, полчаса щебетала о том, как престижно иметь собственную марину и как здорово устраивать вечеринки на верхней палубе. Когда он просто сказал ей, что яхта — это прежде всего работа с дизелями, солёный пот, мозоли на руках и ответственность за чужие жизни в шторм, её интерес мгновенно угас, сменившись вежливой, пустой улыбкой. Евгений усмехнулся своим мыслям и допил кофе. Он не искал идеала из романов, но и разменивать жизнь на фальшивый глянец не собирался. В его мире ценились простые, честные вещи: умение держать слово, надёжность троса под нагрузкой и люди, способные работать головой, не требуя за каждый шаг аплодисментов. Вспомнилась вчерашняя ночная правка сметы от Раевской. Девчонка из Новороссийска, которую он ни разу не видел в глаза, просто села и меньше чем за пять часов сделала то, на что у его штатных снабженцев ушли две недели. Без нытья, без лишних слов, с идеальной морской точностью. Вот таких людей он уважал. Ближе к полудню впереди по курсу показались первые очертания Кавказского побережья. Сначала это была лишь едва различимая тёмная гряда на горизонте, но по мере приближения из морской дымки отчётливо проступили отроги Маркотхского хребта. Склоны гор, покрытые низкорослым дубом и можжевельником, полого спускались к воде. «Скат» прошёл траверз мыса Дооб, оставив за левым бортом вход в Цемесскую бухту Новороссийска, и пошёл вдоль обрывистых белых скал. Евгений снова сел за штурвал, снял катер с автопилота и взял управление на себя. Впереди уже открывалась широкая, подковообразная Геленджикская бухта. В бинокль были отчётливо видны белый маяк на Толстом мысу, ровная полоса набережной с высокими пицундскими соснами и строящийся глубоководный мол новой марины, ради которого он и проделал этот восьмичасовой переход. Евгений плавно сбросил газ. Дизели сменили басовитый ходовой рык на глухое, сытое урчание на малых оборотах. Катер плавно опустился с глиссирования в водоизмещающий режим, разрезая спокойную, закрытую от ветров воду бухты. Переход завершился точно по графику. Он поднёс к губам тангенту бортовой радиостанции, настраиваясь на шестнадцатый канал местной диспетчерской службы, чтобы запросить швартовку к рабочему пирсу. День только начинался.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.